УДК 340.5, 342.15
JEL: K10, H11
EDN: TMZPVH

Оригинальная научная статья
ВАК 5.2.7. Государственное и муниципальное управление

ПАРАДИГМА ПРАВОВЫХ ДЕТЕРМИНАНТ ФОРМИРОВАНИЯ СУВЕРЕННОЙ ЦИФРОВОЙ ЭКОСИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Инна Лиуановна Шидова[1],
Карина Лиуановна Темирчиева[2]

[1]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет имени В.М. Кокова», 360000, Российская Федерация, Кабардино-Балкарская республика, г. Нальчик, ул. Ленина, д. 1, к.В, e-mail: 07_kbr_01@mail.ru, https://orcid.org/0009-0000-6905-6190
[2]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова», 360000, Российская Федерация, Кабардино-Балкарская республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173, e-mail: karina.temirchieva@mail.ru

Аннотация. **Введение.** В настоящей статье проводится комплексный междисциплинарный анализ современного состояния и динамических тенденций развития нормативно-правовой базы, регулирующей процессы глубинной цифровой трансформации публичной власти в Российской Федерации. Исследование актуализировано периодом системных геополитических и технологических изменений, требующих пересмотра устоявшихся подходов к управлению. Автор рассматривает генезис и становление сложной многоуровневой законодательной архитектуры как целенаправленного системного ответа государства на вызовы четвёртой промышленной революции.

Методы. Методологическую основу исследования составили методы системного и структурно-функционального анализа, позволившие рассмотреть законодательную архитектуру в её иерархической целостности. Междисциплинарный характер работы потребовал использования сравнительно-правового метода для выявления коллизий между нормами различных отраслей права, а также элементов прогнозирования для определения векторов развития data-центричных моделей управления. Кроме того, в работе применён метод критической интерпретации для выявления имманентных внутренних противоречий исследуемой правовой материи.

Результаты. В ходе исследования автором последовательно выделены концептуальные стратегические основания цифровой трансформации публичной власти и её ключевые структурные элементы. Особое научное и практическое внимание уделено критическому анализу формирующихся новых правовых режимов, в частности: правовому режиму цифровых платформ как инструментов суверенного развития, регулированию технологий искусственного интеллекта, определению правового статуса данных как стратегического актива. В результате анализа выявлена и обоснована фундаментальная коллизия современного этапа – противоречие между ускоряющейся логикой инновационно-технологического развития, с одной стороны, и императивами национальной кибербезопасности и цифрового суверенитета – с другой.

Обсуждение. Выявленная коллизия между инновациями и безопасностью требует поиска новых правовых компромиссов и не является статичной. На основе проведённого исследования в статье формулируются перспективные стратегические векторы эволюции правового регулирования. Автор приходит к выводу о неизбежности перехода от реактивной к проактивной, data-центричной модели государственного управления. Ключевым итогом эволюции видится построение технологически независимой национальной цифровой экосистемы, что требует дальнейшего совершенствования выявленных правовых режимов в направлении гармонизации интересов технологического прогресса и национальной безопасности.

Ключевые слова: цифровизация государственного и муниципального управления, нормативно-правовое регулирование, государственные цифровые платформы, технологический суверенитет, адаптивное законодательство.

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цитирования: Шидова И.Л., Темирчиева К.Л. Парадигма правовых детерминант формирования суверенной цифровой экосистемы государственного и муниципального управления. Государственное управление и право. 2026. № 3(11). С. 204-215. EDN: TMZPVH

© Шидова И.Л., Темирчиева К.Л., 2026

UDC 340.5, 342.15
JEL: K10, H11
EDN: TMZPVH

Original scientific article
HAC 5.2.7. Public and municipal administration

PARADIGM OF LEGAL DETERMINANTS FOR THE FORMATOIN OF A SOVEREING DIGITAL ECOSYSTEM FOR STATE AND MUNICIPAL ADMINISTRATION

Inna L. Shidova[1],
Karina L. Temirchieva[2]

[1]Federal state budgetary educational institution of higher education "Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V.M. Kokov", 360000, Russian Federation, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, 1, Lenina Str., e-mail: 07_kbr_01@mail.ru, https://orcid.org/0009-0000-6905-6190
[2]Federal state budgetary educational institution of higher education "Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov", 360000, Russian Federation, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, 173, Chernyshevskogo Str., e-mail: karina.temirchieva@mail.ru

Annotation. **Introduction.** This article provides a comprehensive interdisciplinary analysis of the current state and dynamic development trends of the legal framework governing the deep digital transformation of public administration in the Russian Federation. The study is relevant to a period of systemic geopolitical and technological changes requiring a revision of established approaches to governance. The author examines the genesis and development of a complex multi-layered legislative architecture as a targeted, systemic government response to the challenges of the Fourth Industrial Revolution.

Methods. The methodological basis of the study was formed by methods of systemic and structural-functional analysis, allowing for an examination of the legislative architecture in its hierarchical integrity. The interdisciplinary nature of the study required the use of a comparative legal method to identify conflicts between norms of various branches of law, as well as forecasting elements to determine the development vectors of data-centric governance models. Furthermore, the study utilized a critical interpretation method to identify inherent internal contradictions in the legal framework under study.

Results. In the course of the study, the author consistently identified the conceptual strategic foundations of the digital transformation of public administration and its key structural elements. Particular scientific and practical attention is given to a critical analysis of emerging new legal regimes, in particular: the legal regime of digital platforms as tools for sovereign development, the regulation of artificial intelligence technologies, and the definition of the legal status of data as a strategic asset. The analysis revealed and substantiated a fundamental conflict of the current stage: the contradiction between the accelerating logic of innovative and technological development, on the one hand, and the imperatives of national cybersecurity and digital sovereignty, on the other.

Discussion. The identified conflict between innovation and security requires the search for new legal compromises and is not static. Based on the conducted research, the article formulates promising strategic vectors for the evolution of legal regulation. The author concludes that the transition from a reactive to a proactive, data-centric model of public administration is inevitable. The key outcome of this evolution is the creation of a technologically independent national digital ecosystem, which requires further improvement of the identified legal regimes in the direction of harmonizing the interests of technological progress and national security.

Keywords: digitalization of public and municipal administration, legal regulation, state digital platforms, technological sovereignty, and adaptive legislation.

Financing information: this study was carried out without external funding.

For citation: Shidova, I.L., Temirchieva, K.L. (2026). The paradigm of legal determinants for the formation of a sovereign digital ecosystem for state and municipal administration. Public administration and law, 3(11), 204-215. EDN: TMZPVH

Введение

Процесс цифровой трансформации государственного и муниципального управления представляет собой один из наиболее значимых и масштабных институциональных процессов начала XXI века, носящий глобальный характер и кардинальным образом трансформирующий традиционные многовековые механизмы осуществления публичной власти, формы и каналы взаимодействия государства с гражданами и бизнесом, а также внутренние административные и управленческие процессы [1; 2]. Этот феномен, выходящий далеко за рамки простой автоматизации рутинных операций, затрагивает самые основы социального контракта, переопределяя понятия суверенитета, подотчётности и эффективности власти в условиях становления общества, основанного на данных.

В Российской Федерации данный процесс, инициированный в рамках общемирового тренда, постепенно вышел за первоначальные рамки точечной технологической модернизации отдельных услуг, трансформировавшись в масштабный, комплексный национальный проект стратегического уровня по построению целостного «цифрового государства» (digital state) [3; 4]. Данная трансформация носит

© Shidova I.L., Temirchieva K.L., 2026

нелинейный и многовекторный характер, развиваясь одновременно на нескольких уровнях: организационном (перестройка процессов), технологическом (внедрение новых платформ), правовом (создание регуляторной среды) и социальном (изменение модели взаимодействия). Особенностью российской траектории является её синхронизация с курсом на технологический суверенитет, что придаёт процессу дополнительную геополитическую и экономическую значимость в условиях нарастающих санкционных ограничений и глобальной технологической конкуренции.

В этом контексте нормативно-правовое регулирование выполняет не только пассивную функцию легитимного правового оформления уже произошедших технологических изменений, но и приобретает активную, опережающую роль, формируя желаемые траектории развития, устанавливая социально приемлемые и безопасные границы для технологических инноваций, распределяя возникающие риски и создавая стабильные институциональные условия для широкого внедрения новых цифровых решений в практику публичного управления [5; 6; 7]. Законодательство становится своего рода «дорожной картой» и «правилами игры», которые определяют, какие технологии могут быть использованы, на каких условиях, кто несёт ответственность за их последствия и каким образом защищаются права граждан. Эта новая роль права порождает ряд методологических вызовов, связанных с необходимостью балансировать между гибкостью, требуемой для инноваций, и стабильностью, необходимой для правовой определённости.

Современный этап, приходящийся на середину 2020-х годов, характеризуется качественным переходом от решения преимущественно технических задач технологического и организационного характера к комплексному, системному правовому оформлению сложных цифровых экосистем, в которых государство выступает не только регулятором, но и ключевым оператором и интегратором [8; 9]. Если предыдущее десятилетие было в основном посвящено созданию базовых каналов цифровой связи, унифицированной инфраструктуры и пользовательских интерфейсов (портал госуслуг), то текущий период знаменует собой стратегический переход к установлению детализированных правовых режимов для контента, циркулирующего в этих каналах, и, что наиболее важно, для юридических последствий его автоматизированной, алгоритмической обработки системами искусственного интеллекта [3; 6; 10].

Данный переход знаменует эволюцию от понимания данных как второстепенного ресурса к их статусу стратегического актива и публичного блага, требующего новых правовых режимов. Одновременно происходит смещение фокуса с простой автоматизации рутинных процессов на алгоритмизацию принятия решений, что влечёт за собой делегирование части государственных функций автономным системам и необходимость пересмотра механизмов ответственности. Кульминацией этих процессов становится трансформация «электронного правительства» в «платформенное государство», функционирующее как экосистема с открытыми сервисными интерфейсами (API), что требует принципиально иного регулирования межсубъектного взаимодействия.

Цель исследования

Целью данной научной статьи является проведение всестороннего анализа архитектурных принципов, содержательных характеристик, выявленных системных противоречий и перспективных направлений эволюции нормативно-правовой базы цифровизации государственного и муниципального управления в современных условиях.

Для достижения этой цели в статье последовательно решаются следующие задачи: реконструкция поэтапной эволюции нормативной базы; анализ её внутренней архитектуры и принципов построения; выявление системных коллизий и «узких мест»; построение прогностических сценариев развития регулирования с учётом технологических трендов и геополитического контекста.

Методы исследования

Эмпирическую базу исследования составили нормативно-правовые акты Российской Федерации, формирующие архитектуру цифрового государства, а также доктринальные источники и аналитические материалы [11; 12]. Ключевыми документами для анализа явились: Стратегия развития информационного общества на 2017-2030 годы (Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы»), национальная программа «Экономика данных и цифровая трансформация государства» (во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»), а также основополагающие федеральные законы: «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ), «О персональных данных» (от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ), «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ), а также законы инфраструктурного и фронтирного этапов (№ 220-ФЗ, № 253-ФЗ, № 115-ФЗ). В работе также использованы проекты бу-

дущих законов (о государственных цифровых платформах, концепция Цифрового кодекса) и доктринальные источники по проблемам цифровизации публичного управления [9; 13].

Методологическую основу работы составил комплекс общенаучных и специально-юридических методов.

Историко-правовой метод применён для реконструкции поэтапной эволюции нормативной базы – от первичной концептуализации до современного этапа регулирования фронтира.

Системно-структурный анализ позволил рассмотреть нормативно-правовую базу как сложную, иерархически организованную систему, выявить её внутреннюю архитектуру и связи между элементами (стратегический, программный, законодательный уровни).

Метод сравнительно-правового анализа использован для выявления коллизий и противоречий между законами, представляющими разные полюса регулирования («Развитие» / «Контроль»), а также для сопоставления различных моделей юридической ответственности.

Метод прогнозирования и правового моделирования позволил на основе выявленных тенденций и противоречий сформулировать перспективные сценарии развития нормативного регулирования.

Междисциплинарный подход обеспечил учёт не только юридических, но и технологических, социальных и этических аспектов цифровой трансформации.

Результаты исследования и их обсуждение

Этапы нормативной эволюции и архитектура регулирования

Отличительной, концептуальной особенностью российского подхода к регулированию цифровой трансформации является его глубокая интеграция с обновлённой системой государственного стратегического планирования, что придаёт всему нормотворческому процессу в данной сфере выраженный программно-целевой, проектный характер [4; 14]. Концептуальные и идеологические основы данного пути были заложены Указом Президента РФ от 09.05.2017г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества на 2017-2030 годы», который впервые на высшем политическом уровне определил цифровизацию всех сфер жизни в качестве ключевого фактора долгосрочного национального развития и обеспечения конкурентоспособности [5; 13]. Этот документ зафиксировал переход от восприятия цифровых технологий как инструментария к пониманию их как среды существования государства и общества, определив такие приоритеты, как национальная цифровая суверенность, безопасность и этичность технологий.

Однако операциональным, практическим механизмом, конвертировавшим эти стратегические установки в конкретные законодательные инициативы, подзаконные акты и бюджетные обязательства, выступила национальная программа «Экономика данных и цифровая трансформация государства», ставшая основным финансовым и организационным драйвером изменений [4; 15]. В рамках её центрального для публичного управления федерального проекта «Цифровое государственное управление» был законодательно закреплён и детально прописан концептуальный переход от реактивной модели оказания услуг к проактивной модели «государства-сервиса», согласно чему интегрированные государственные платформы должны выстаиваться на основе анализа больших данных и выявления поведенческих паттернов.

Реализация парадигмы обусловила смену логики правового регулирования: от точечных новелл – к формированию нормативной экосистемы. Её задачи – обеспечение интероперабельности для кросс-ведомственного анализа данных, легитимация предиктивных сервисов, создание доверенной инфраструктуры и институционализация ответственности за решения автономных систем. Правотворчество превращается в непрерывный поиск баланса между технологической динамикой и этико-правовыми ограничителями. Далее анализируются архитектура, имманентные противоречия и траектории развития данной базы в условиях турбулентности середины текущего десятилетия.

Федеральный проект «Цифровое государственное управление» концептуально закрепил переход от реактивной (запросной) модели оказания услуг к проактивной модели «государства-сервиса». Указанный переход носит фундаментальный институциональный характер, поскольку изменяет природу взаимоотношений государства и общества: государство перестаёт быть пассивным арбитром, ожидающим формализованного запроса, и принимает на себя функцию прогнозирования и превентивного удовлетворения публичных интересов [5].

Интегрированная цифровая экосистема, опираясь на агрегированные данные межведомственных реестров и аналитические инструменты, алгоритмически идентифицирует потребности гражданина или бизнеса и инициирует оказание услуги без явного запроса. Формируется модель «предиктивного государства», в которой сервисы предоставляются «по умолчанию» при наступлении жизненного события, что исключает необходимость сбора справок, подачи заявлений и административных ожиданий.

Реализация проактивной парадигмы сопряжена с вызовами, выходящими за пределы технической интеграции ведомственных систем. Центральной является проблема легитимации алгоритмического предвосхищения. Традиционное административное право базируется на принципе заявительности: государство не вправе действовать от имени гражданина без явно выраженной воли последнего. Проактивная модель предполагает пересмотр данного постулата, вводя конструкции «молчаливого согласия» либо «презумпции нуждаемости», что порождает риски патернализма, стигматизации и ошибочной идентификации потребностей.

Данный стратегический выбор, в свою очередь, предопределил острую необходимость формирования целостной, непротиворечивой нормативной экосистемы, последовательно решающей комплекс взаимосвязанных задач: обеспечение технологической возможности для легального кросс-системного анализа и сцепки данных, установление чётких правовых оснований и процедурных гарантий для такого анализа, создание защищённой, отказоустойчивой инфраструктуры и, наконец, распределение юридической и административной ответственности за автоматизированные, в том числе ошибочные, решения, принимаемые без прямого участия чиновника [10; 5; 12]. Каждая из этих задач представляет собой самостоятельное и чрезвычайно сложное направление нормотворческой деятельности.

Во-первых, обеспечение кросс-системного анализа данных требует преодоления коллизий разнородных правовых режимов (налоговых, медицинских, персональных данных), что обусловливает необходимость либо реформирования законодательства о персональных данных, либо введения новых конструкций («анонимизированные производные данные», «данные публичного интереса»).

Во-вторых, отсутствие формализованных процедур и судебно-контролируемых гарантий при межведомственном анализе. Действующее законодательство не содержит механизмов оспаривания автоматизированных решений, адаптированных к алгоритмической природе их вынесения.

В-третьих, создание защищённой инфраструктуры требует установления специальных правовых режимов эксплуатации государственных облачных платформ, включая стандарты киберустойчивости, порядок расследования инцидентов и компенсаторные механизмы при утечках.

В-четвёртых, ключевой проблемой остаётся институционализация ответственности за автоматизированные решения. В отсутствие ясной субъектной привязки (разработчик, оператор, должностное лицо) алгоритмические ошибки оказываются в зоне правовой неопределённости, что блокирует масштабирование систем ИИ в публичном управлении.

Нормативно-правовая база цифровизации представляет собой сложную, иерархически организованную систему, развивавшуюся не спонтанно, а в соответствии с чёткой логикой поэтапного решения задач возрастающей сложности – от автоматизации форм до регулирования содержания [6; 11; 12].

Её эволюция (таблица 1) наглядно демонстрирует макротренд перехода от регулирования внешних форм электронного взаимодействия к прямому регулированию глубинного содержания цифровых процессов, данных и алгоритмов [7; 10]. Эту логику можно представить как движение по спирали: каждый новый этап не отменяет достижения предыдущего, но надстраивает над ними более сложные, комплексные правовые конструкции.

На базовом уровне «Концептуализация и закладка нормативного фундамента» (2006-2010 гг.) были приняты основополагающие законы, которые легитимизировали базовые цифровые понятия и установили принципы для последующего развития. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» сыграл роль «цифровой конституции», введя ключевые понятия электронного документа, информационной системы, облачных технологий и, что критически важно, установив принцип равной юридической силы бумажного и электронного носителя информации [7; 15]. Этот принцип стал фундаментом, позволившим государству начать масштабный перевод документооборота в цифровую среду. Однако закон 149-ФЗ носил рамочный характер, он зафиксировал общие подходы, но не детализировал механизмы их реализации, что создало пространство для последующего отраслевого нормотворчества (таблица 1).

Таблица 1. Эволюция нормативно-правовой базы цифровизации госуправления в РФ [составлено авторами]
Table 1. Evolution of the regulatory framework for digitalization of public administration in the Russian Federation [compiled by the authors]

Этап	Хронология	Ключевые акты	Доминирующий объект регулирования	Основная правовая новация
I. Концептуализация	2006-2010	149-ФЗ, 152-ФЗ, 210-ФЗ	Форма документа, статус информации, процедура услуги	Приравнивание электронного документа к бумажному, режим ПДн, принцип однократности

Продолжение табл. 1
Continuation of table 1

Этап	Хронология	Ключевые акты	Доминирующий объект регулирования	Основная правовая новация
II. Инфраструктурная интеграция	2016-2018	220-ФЗ	Каналы передачи данных, среда взаимодействия	Легализация СМЭВ как обязательного стандарта, создание «ГосОблака»
III. Регулирование фронтира	2023 – н.в.	253-ФЗ, 115-ФЗ	Содержание данных, алгоритмы, внутренние процессы	Мягкое регулирование ИИ, ликвидация бумажного документооборота
IV. Экосистемное регулирование (прогноз)	2025-2030	Проекты: Цифровой кодекс, закон о платформах, закон о данных	Цифровые статусы, платформы, автономные агенты	Комплексная кодификация, признание новых субъектов права

Почти одновременно был принят Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», создавший обособленный, строгий правовой режим для главного ресурса цифровой экономики и заложивший тем самым фундаментальное, неразрешимое до сих пор противоречие между необходимостью свободного потока данных для повышения эффективности и императивом их строгой защиты [6; 11; 13]. Данный закон установил крайне жёсткие требования к обработке персональной информации: обязательное получение согласия субъекта, запрет на обработку специальных категорий данных без дополнительных оснований, требование локализации баз данных на территории РФ. Эти нормы, будучи абсолютно оправданными с точки зрения защиты прав граждан, вступили в конфликт с развивающейся парадигмой проактивного государства, которое для своей работы нуждается в агрегации и анализе больших массивов данных.

Завершил этот этап Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», который осуществил идеологический переход к сервисной парадигме, введя на законодательном уровне принципы «одного окна» и «однократности представления документов», и прямо запретив требовать от гражданина данные и документы, уже имеющиеся в распоряжении государственных органов [1; 2]. 210-ФЗ стал первым законом, который не просто разрешил использовать цифровые технологии, а обязал государство перестраивать свои процессы под них. Запрет на истребование уже имеющихся документов («доносительства») создал правовую основу для развития межведомственного взаимодействия и, по сути, заставил ведомства начать обмениваться данными друг с другом.

Инфраструктурно-интеграционный этап (2016 г.) ознаменован принятием Федерального закона № 220-ФЗ, которым институционализированы два системообразующих элемента цифрового государства.

Во-первых, система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) приобрела статус обязательной государственной информационной системы с юридически значимым документооборотом и нормативно закреплённой ответственностью ведомств за полноту и своевременность предоставления данных. Тем самым создана правовая и технологическая основа для межведомственной интеграции и последующего внедрения проактивных сервисов.

Во-вторых, законодательно легализовано понятие «Государственное облако» (ГосОблако), что определило модель централизованной, стандартизированной и защищённой инфраструктуры размещения государственных информационных систем. Данное решение обеспечило консолидацию бюджетных расходов, внедрение единых требований безопасности и сформировало нормативный фундамент для разработки единой облачной платформы «ГосТех».

Этап регулирования технологического фронтира и глубинных процессов (2023 г. – по н.в.) – современная фаза, характеризующаяся попытками законодателя установить правовые рамки для прорывных, «дисруптивных» технологий и завершающей цифровизации внутренних, бэк-офисных процессов государственного аппарата [9; 15].

Разрабатываемый проект федерального закона «Об искусственном интеллекте» планирует реализация модели опережающего мягкого регулирования, закрепляя рамочные принципы (безопасность, этичность, транспарентность) и институт экспериментальных правовых режимов (регуляторных песочниц). Отказ от детальной регламентации обусловлен динамикой технологического развития. Закон впервые устанавливает невозможность привлечения разработчика к ответственности за вред, причинённый применением ИИ, при условии маркировки результатов и информирования пользователей. Указанная норма, стимулируя инновации, одновременно порождает правовую неопределённость в вопросе ответственности публично-правовых образований за функ-

ционирование соответствующих систем.

Федеральный закон № 115-ФЗ «О государственной информационной системе управления документами» направлен на ликвидацию «бумажного ядра» публичного администрирования. Закрепление обязанности органов власти использовать единую ГИС документооборота легитимирует отказ от бумажных носителей при принятии решений и завершает переход к полностью цифровой модели административного процесса.

Активная законопроектная деятельность сегодня сосредоточена на подготовке комплексных актов о государственных цифровых платформах и цифровом профиле гражданина, что свидетельствует о переходе к экосистемному регулированию и легализации комплексных цифровых статусов [6; 13].

В частности, разрабатываемый проект федерального закона «О государственных цифровых платформах» предполагает закрепление единой платформы «ГосТех» в качестве стандарта для создания и развития всех государственных информационных систем. Это означает переход от фрагментарной, «лоскутной» автоматизации к унифицированной экосистеме, где все ведомства будут использовать единые технологические компоненты, стандарты обмена данными и пользовательские интерфейсы. Платформенный подход позволяет радикально сократить издержки на разработку и эксплуатацию, обеспечить бесшовное взаимодействие между ведомствами и сформировать единую среду доверия для граждан и бизнеса.

Одновременно продолжается работа над концепцией «цифрового профиля гражданина» – совокупности сведений о физическом лице, содержащихся в различных государственных реестрах, агрегированных в едином «личном кабинете» и доступных для использования как самим гражданином, так и (с его согласия) организациями и государственными органами. Юридическое оформление цифрового профиля позволит окончательно отказаться от практики многократного предоставления одних и тех же документов и создаст основу для персонализированного предоставления услуг и мер поддержки.

Таким образом, эволюция нормативно-правовой базы цифровизации демонстрирует устойчивую траекторию: от фрагментарного регулирования отдельных институтов – к созданию интегрированной, иерархически организованной системы, охватывающей все аспекты функционирования цифрового государства. Каждый последующий этап не отменяет предшествующие достижения, но надстраивает над ними новые, более сложные правовые конструкции, отражающие возрастающую сложность самой цифровой экосистемы публичного управления.

Динамичное развитие законодательства о цифровизации государственного управления, прошедшее путь от точечной легализации электронного документа до попыток комплексного регулирования искусственного интеллекта, с неизбежностью обнажило ряд глубинных, системных противоречий. Указанные коллизии имеют не технический или временный, а фундаментальный институциональный характер: они укоренены в архитектуре нормативной системы, отражают конфликт разнонаправленных публичных интересов и, по существу, детерминируют пределы дальнейшей цифровой трансформации публичной власти. Без последовательного разрешения данных противоречий невозможно ни полноценное внедрение проактивных сервисов, ни легитимация алгоритмического принятия решений, ни формирование целостной экосистемы цифрового государства.

Имманентный конфликт «Развития vs. Контроля» обусловлен динамикой и логикой, заданные законами об услугах (210-ФЗ) и интеграции (220-ФЗ), направленные на максимальное ускорение административных процедур через тотальный обмен данными, а также находится в состоянии постоянного правового и политического напряжения с охранительной, консервативной логикой законов о персональных данных (152-ФЗ) и безопасности критической информационной инфраструктуры (187-ФЗ) [6; 11; 13]. Проактивность государственных сервисов, основанная на предиктивном анализе больших данных (big data), напрямую требует пересмотра строгих рамок предварительного согласия субъекта данных и принципов их изоляции, что порождает острые дискуссии о балансе эффективности и приватности [5; 10; 12].

На примере матрицы системного противоречия «Развитие vs. Контроль» (таблица 2) визуализируется фундаментальная ценностная бифуркация, заложенная в основаниях нормативной модели цифрового государства.

На одном полюсе (развитие/эффективность), репрезентированном законами о госуслугах (210-ФЗ) и межведомственном взаимодействии (220-ФЗ), данные концептуализируются как стратегический ресурс, подлежащий максимальному вовлечению в оборот. Ценностный императив здесь – сервис, удобство и скорость, что предполагает проактивную модель взаимодействия с презумпцией обработки персональных данных в публичных интересах. Правовым идеалом выступает «невидимое государство», упреждающе удовлетворяющее потребности.

На противоположном полюсе (контроль/безопасность), представленном законами о персональных данных (152-ФЗ) и

Таблица 2. Матрица системного противоречия «Развитие vs. Контроль» [составлено авторами]
Table 2. Matrix of the systemic contradiction "Development vs. Control" [compiled by the authors]

Параметр сравнения	Полюс «Развитие / Эффективность»	Полюс «Контроль / Безопасность»
Базовые законы	210-ФЗ, 220-ФЗ	152-ФЗ, 187-ФЗ
Ценностный императив	Сервис, удобство, скорость, экономия ресурсов	Приватность, автономия личности, кибербезопасность
Отношение к данным	Данные – ресурс, актив, подлежащий вовлечению в оборот	Данные – угроза, объект защиты, подлежащий минимизации
Модель взаимодействия	Проактивная, предиктивная, инициатива государства	Реактивная, заявительная, инициатива гражданина
Режим обработки ПДн	Презумпция возможности обработки в публичных интересах	Презумпция запрета обработки, кроме случаев явного согласия
Правовой идеал	«Невидимое государство», решающее проблемы до их возникновения	«Прозрачное государство», отчитывающееся за каждое действие

безопасности КИИ (187-ФЗ), доминирует охранительная логика: данные рассматриваются как объект защиты и потенциальная угроза. Ценности приватности и автономии личности детерминируют реактивную, заявительную модель, где действует презумпция запрета обработки, требующая явного согласия. Правовым идеалом здесь выступает «прозрачное государство», легитимирующее каждое действие.

Указанное противоречие отражает невозможность одновременной максимизации конкурирующих ценностей – операциональной эффективности и информационной безопасности. Любое правовое решение неизбежно смещает баланс в пользу одного из полюсов, что порождает перманентную конфликтность нормативной экосистемы.

В действующем законодательстве отсутствует последовательная теоретическая база и чёткие процессуальные нормы, однозначно определяющие субъекта и объём материальной, административной или уголовной ответственности за вредоносные, дискриминационные или просто ошибочные решения, сгенерированные системами искусственного интеллекта в публично-правовой сфере [3; 10].

Ключевая проблема заключается в несоответствии антропоцентричной модели юридической ответственности природе автоматизированных систем, принимающих решения на основе самообучающихся алгоритмов.

Во-первых, невозможна квалификация «вины» в традиционном смысле: система ИИ лишена субъективной стороны правонарушения (умысла или неосторожности), а её решение представляет собой результат математической обработки данных, а не волевой акт. Соответственно, составы, предполагающие вину должностных лиц (халатность и др.), к алгоритмическим действиям неприменимы. Во-вторых, фиксируется разрыв причинно-следственной связи: между действиями разработчика, оператора и конечным вредоносным решением существует многозвенная, нелинейная зависимость, не позволяющая выделить единственную юридически значимую причину вреда. В-третьих, наблюдается эффект деконцентрации ответственности в треугольнике «разработчик – оператор – государственный орган», выражающийся в том, что каждый элемент системы располагает возможностью регрессного переложения ответственности, что в итоге порождает риск отсутствия лица, на которое может быть возложена обязанность по возмещению вреда.

Не решён фундаментальный вопрос о распределении ответственности в треугольнике «разработчик алгоритма – оператор (владелец) системы – конечный государственный орган-пользователь» (рисунок 1), что создаёт правовую неопределённость и риски для всех сторон [3; 11].

В доктрине и правоприменительной практике сформировались четыре основные модели распределения ответственности за вред, причинённый алгоритмическими решениями:

1. Модель ответственности разработчика возлагает бремя на создателя алгоритма, стимулируя тщательное тестирование, но игнорирует отсутствие у него контроля над эксплуатацией и качеством данных, превращая ответственность в объективную и потенциально тормозящую инновации.

2. Модель ответственности оператора исходит из презумпции контроля владельца системы над её настройками, однако оператор зачастую лишён доступа к алгоритмической логике «чёрного ящика» и вынужден отвечать за неподконтрольные ему факторы.

3. Модель ответственности государства корреспондирует классической доктрине публичной власти, гарантируя потерпевшему компенсацию из казны, но

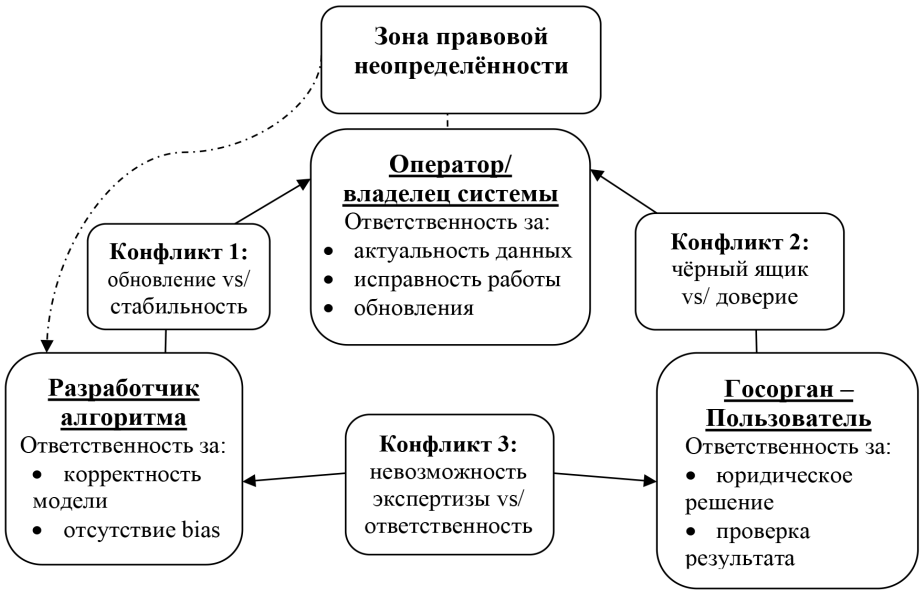

Рисунок 1. Треугольник ответственности за вред, причинённый решениями ИИ в публичном управлении [составлено авторами]
Figure 1. The liability triangle for harm caused by AI decisions in public administration [compiled by the authors]

нивелирует стимулы к повышению качества алгоритмов и провоцирует формализм при их внедрении.

Модель фондового страхования предлагает создание централизованного компенсационного фонда за счёт отчислений разработчиков, операторов и государства, что обеспечивает гарантированное возмещение вреда, однако сопряжено со значительными сложностями организационно-правового оформления и актуарного расчёта тарифов.

Действующий закон 253-ФЗ не даёт однозначного ответа на вопрос о выборе модели, ограничиваясь декларацией принципов и отсылкой к экспериментальным правовым режимам. В отсутствие же ясного законодательного регулирования правоприменительная практика, скорее всего, пойдёт по пути имманентного возложения ответственности на государственный орган как наиболее платёжеспособного и публично-подконтрольного субъекта. Однако такой подход, будучи временно приемлемым, не решает проблему системно и создаёт риск торможения внедрения ИИ в социально значимых сферах именно из-за гипертрофированных бюджетных рисков.

Отдельного анализа заслуживает противоречие, лежащее не столько в содержательной, сколько в процессуально-темпоральной плоскости. Классический цикл разработки, обсуждения, согласования и принятия федерального закона в Российской Федерации составляет от полутора до трёх, а в сложных случаях – до пяти лет, что принципиально не соответствует скорости технологических изменений и жизненным циклам цифровых продуктов (месяцы). Это приводит к хроническому отставанию «жёсткого» регулирования от практики, вынуждая законодателя использовать такие гибкие инструменты, как «регуляторные песочницы», которые, однако, носят временный и экспериментальный характер [9; 10; 14].

Анализ текущего состояния и выявленных системных противоречий позволяет выделить четыре магистральных тренда, определяющих стратегическую эволюцию нормативно-правового регулирования цифровой трансформации государственного и муниципального управления в среднесрочной перспективе (2025-2030 гг.) [12; 15]. Каждый из них представляет собой реакцию правовой системы на глубинные вызовы – от фрагментарности регулирования до дефицита гуманитарных гарантий в алгоритмизированном управлении.

Накопление десятков разнородных законов, подзаконных актов и ведомственных приказов, регулирующих цифровые аспекты публичного управления, создало острую потребность в гармонизации, кодификации и сертификации цифрового законодательства. Фрагментарность, множественные коллизии (например, между 152-ФЗ и 210-ФЗ) и пробелы (отсутствие режима для обезличенных данных) блокируют создание целостной экосистемы [4; 7]. Ожидаемым ответом станет разработка и принятие Цифрового кодекса Российской Федерации – консолидированного акта, призванного систематизировать нормы о цифровой идентичности, электронном документообороте, межведомственном взаимодействии, государственных информационных системах и обработке данных [8; 13]. Параллельно будут приняты специализированные законы: «О государственных

цифровых платформах» и «О государственных данных» (или раздел Цифрового кодекса) [14].

Массовое внедрение систем искусственного интеллекта в процедуры принятия публично-значимых решений (назначение выплат, выявление нарушений, распределение ресурсов) порождает риски дегуманизации, «алгоритмической несправедливости» и цифрового отчуждения граждан [3; 10]. Формируется новый пласт «мягкого», но институционально закреплённого права, основанного на этических принципах: обязательная этическая оценка технологий (ETA), право на «человека в контуре», право на алгоритмическую паузу, а также гибридный механизм ответственности (государство как первичный гарант с правом регресса к разработчику) [5; 9].

Классический цикл нормотворчества (1,5-5 лет) принципиально не соответствует скорости технологических изменений. Хроническое отставание права требует внедрения адаптивных механизмов: перманентный мониторинг регуляторных эффектов на основе больших данных, адаптивное законодательство (автоматическая корректировка параметров регулирования при достижении KPI), риск-ориентированный надзор нового поколения (непрерывный дистанционный мониторинг цифровых следов) [9; 14].

В условиях геополитической турбулентности и санкционных ограничений Россия продолжит курс на технологический суверенитет, что находит прямое отражение в правовой плоскости [2]. Стратегическими направлениями становятся: законодательное закрепление «цифрового публичного достояния» (особый правовой режим для алгоритмов и данных, созданных за счёт бюджета), продвижение «суверенных цифровых стандартов» на международных площадках (БРИКС, ШОС, ЕАЭС), международно-правовая гармонизация на новых основаниях (двусторонние и многосторонние соглашения об обороте данных) [4; 13; 15].

Проведённый анализ позволяет авторам сформулировать собственную позицию по ключевым дискуссионным вопросам. Авторы исходят из необходимости дифференцированного баланса между эффективностью и приватностью: для базовых сервисов допустима презумпция согласия с правом отказа, для высокорисковых сфер (медицина, соцвыплаты, правосудие) требуется только явное информированное согласие и гарантия обжалования.

В вопросе ответственности за вред от ИИ предлагается трёхуровневая гибридная модель: государство обеспечивает первичную компенсацию из казны (принцип публичного риска), затем вправе регрессировать к оператору при нарушении им эксплуатационных требований, а оператор – к разработчику при доказанном отступлении от стандартов (кроме непредвиденных ошибок). Для преодоления темпорального разрыва необходима циклическая модель нормотворчества с законодательным «сроком жизни» акта и обязательным эмпирическим отчётом перед пролонгацией.

В сфере цифрового суверенитета авторы поддерживают принцип «открытого суверенитета»: приоритет отечественных платформ в публичном управлении при допуске верифицированных зарубежных решений в нечувствительных сегментах без передачи критических данных.

Наконец, право на «человека в контуре» должно быть императивным только для решений, затрагивающих правовой статус гражданина, причём человеческий пересмотр обязателен лишь для законодательно закреплённого перечня высокорисковых ситуаций, а для остальных случаев достаточно упрощённого обжалования с возможностью эскалации.

Выводы

Нормативно-правовое регулирование цифровизации публичного управления закономерно переходит от инфраструктурного этапа к фазе комплексного правового проектирования цифровых экосистем. Сложившаяся многоуровневая архитектура отражает поиск баланса между инновационной эффективностью, технологическим суверенитетом и защитой прав граждан.

Будущая легитимность регулирования зависит от его способности к системной рефлексии и адаптации. Критически важен переход от реактивного, «догоняющего» нормотворчества к опережающему, проактивному регулированию, основанному на форсайте технологических трендов и междисциплинарном анализе их последствий. Это требует изменения культуры правотворчества: включения в законотворческий процесс специалистов разных профилей, внедрения методов прогнозирования регуляторных эффектов, создания механизмов мониторинга законодательства и готовности к экспериментальным правовым режимам.

Конечный успех цифровой трансформации будет измеряться способностью создавать сбалансированные правовые рамки, которые одновременно повышают качество публичных услуг, обеспечивают технологическую независимость страны и гарантируют защиту человеческого достоинства в цифровом обществе. Нормативное право окончательно утверждается в роли ключевого архитектора цифрового будущего публичной власти.

Среднесрочной перспективой является кодификация цифрового законодательства (принятие Цифрового кодекса) и гармонизация национальных подходов с

правом государств-партнёров на принципах цифрового суверенитета. Цифровая трансформация публичной власти – перманентный процесс, в котором нормативное регулирование обречено на постоянное самообновление, ключевым ориентиром которого остаётся человек, его права и законные интересы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чубукова С.Г., Элькин В.Д. Основы правовой информатики (юридические и математические вопросы информатики). Москва: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», 2020. 252 с.
2. Тедеев А.А. Технологический суверенитет и цифровое право: контуры новой парадигмы. Право и цифровая экономика. 2023. № 1. С. 12-18.
3. Погребняк Е.В. Правовое регулирование искусственного интеллекта: вызовы и перспективы. Государство и право. 2023. № 5. С. 67-79.
4. Савельев А.И. Проблемы правового регулирования больших данных и машинного обучения в публичном управлении. Журнал российского права. 2022. № 8. С. 45-60.
5. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» / Официальный интернет-портал правовой информации. Москва, 2017. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002.
6. Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных гарантий права граждан на предоставление государственных и муниципальных услуг в электронной форме» / Официальный интернет-портал правовой информации. Москва, 2016. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102404082.
7. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» / Официальный интернет-портал правовой информации. Москва, 2010. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102140598.
8. Федеральный закон от 05.04.2023 № 115-ФЗ «О государственной информационной системе управления документами» / Официальный интернет-портал правовой информации. Москва, 2023. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304050005.
9. Национальная программа «Экономика данных и цифровая трансформация государства»: утв. протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 20.12.2024 г. № 12. Москва: Правительство РФ, 2024. URL: http://government.ru/rugovclassifier/923/about/.
10. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» / Официальный интернет-портал правовой информации. Москва, 2006. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102108107.
11. Шевчук С.С. Проактивное государство: правовые основы и риски реализации. Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 2. С. 89-110.
12. Воробьёва А.С., Гаврилов К.А. Цифровой профиль гражданина: правовой статус и проблемы защиты данных. Информационное право. 2023. № 3. С. 22-28.
13. Постановление Правительства Российской Федерации от 02.06.2021 № 858 «О единой системе управления данными в сфере государственного и муниципального управления и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» / Официальный интернет-портал правовой информации. Москва, 2021. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202106020039.
14. Бачило И.Л. Информационное право: основы практической информатики. Москва: Юрист, 2019. 310 с.
15. Талина Я.В. Цифровая трансформация государственного управления: правовые и организационные аспекты. Москва: Проспект, 2022. 180 с.
16. Копылов М.Н. «Регуляторные песочницы» как инструмент адаптивного правового регулирования цифровых инноваций. Lex Russica. 2022. № 11. С. 34-49.
17. Lessig L. Code: And Other Laws of Cyberspace, Version 2.0. New York: Basic Books, 2006. 410 p.
18. Отчёт Счётной палаты Российской Федерации «Аудит эффективности реализации федерального проекта “Цифровое государственное управление”». Москва: Счётная палата РФ, 2023. 85 с.
19. Цифровая трансформация государственного управления: правовые аспекты: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Москва, 15-16 декабря 2022 г. / под ред. А.В. Незнамова. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2023. 250 с.
20. Федеральный закон от 24.07.2023 № 253-ФЗ «Об искусственном интеллекте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»// Официальный интернет-портал правовой информации. Москва, 2023. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202307240005.
21. Brownsword R., Yeung K., eds. The Oxford Handbook of Law, Regulation and Technology. Oxford: Oxford University Press, 2017. 1200 p.
22. Якушев М.В. Электронное правительство: теория и практика. Санкт-Петербург: Петрополис, 2021. 224 с.
23. Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» / Официальный интернет-портал правовой информации. Москва, 2017. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102436235.
24. Аналитический доклад НИУ ВШЭ «Индекс цифровизации государственного управления в регионах России – 2023». Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2023. 120 с.

Информация об авторах
Шидова Инна Лиуановна – ассистент кафедры «Товароведение, туризм и право»
Темирчиева Карина Лиуановна – аналитик департамента сопровождения проектов НТИ и непрерывного образования

REFERENCES

1. Chubukova, S.G., Elkin, V.D. (2020). Fundamentals of Legal Informatics (Legal and Mathematical Issues of Informatics). Moscow: Law Firm "KONTRAKT". 252 p. (In Russ.)
2. Tedeev, A.A. (2023). Technological sovereignty and digital law: contours of a new paradigm. Law and Digital Economy, 1, 12-18. (In Russ.)
3. Pogrebnyak, E.V. (2023). Legal regulation of artificial intelligence: challenges and prospects. State and Law, 5, 67-79. (In Russ.)
4. Savelev, A.I. (2022). Problems of legal regulation of big data and machine learning in public administration. Journal of Russian Law, 8, 45-60. (In Russ.)
5. Decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017 No. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030" / Official Internet Portal of Legal Information. Moscow, 2017. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002. (In Russ.)
6. Federal Law of 23.06.2016 No. 220-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Establishment of Additional Guarantees of Citizens' Right to the Provision of State and Municipal Services in Electronic Form" / Official Internet Portal of Legal Information. Moscow, 2016. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102404082. (In Russ.)
7. Federal Law of 27.07.2010 No. 210-FZ "On the Organization of the Provision of State and Municipal Services" / Official Internet Portal of Legal Information. Moscow, 2010. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102140598. (In Russ.)
8. Federal Law of 05.04.2023 No. 115-FZ "On the State Information System for Document Management" / Official Internet Portal of Legal Information. Moscow, 2023. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304050005. (In Russ.)
9. National Program "Data Economy and Digital Transformation of the State: approved by the protocol of the meeting of the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects of 20.12.2024 No. 12. Moscow: Government of the Russian Federation, 2024. URL: http://government.ru/rugovclassifier/923/about/. (In Russ.)
10. Federal Law of 27.07.2006 No. 152-FZ "On Personal Data" / Official Internet Portal of Legal Information. Moscow, 2006. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102108107. (In Russ.)
11. Shevchuk, S.S. (2023). Proactive state: legal foundations and risks of implementation. Issues of State and Municipal Management, 2, 89-110. (In Russ.)
12. Vorobyeva, A.S., Gavrilov, K.A. (2023). Digital profile of a citizen: legal status and problems of data protection. Information Law, 3, 22-28. (In Russ.)
13. Decree of the Government of the Russian Federation of 02.06.2021 No. 858 "On the Unified Data Management System in the Sphere of State and Municipal Management and on Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation" / Official Internet Portal of Legal Information. Moscow, 2021. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202106020039. (In Russ.)
14. Bachilo, I.L. (2019). Information Law: Fundamentals of Practical Informatics. Moscow: Yurist. 310 p. (In Russ.)
15. Talina, Ya.V. (2022). Digital Transformation of Public Administration: Legal and Organizational Aspects. Moscow: Prospekt. 180 p. (In Russ.)
16. Kopylov, M.N. (2022). "Regulatory sandboxes" as a tool for adaptive legal regulation of digital innovations. Lex Russica, 11, 34-49. (In Russ.)
17. Lessig, L. (2006). Code: And Other Laws of Cyberspace, Version 2.0. New York: Basic Books. 410 p.
18. Report of the Accounts Chamber of the Russian Federation "Audit of the effectiveness of the implementation of the federal project 'Digital Public Administration'". (2023). Moscow: Accounts Chamber of the Russian Federation. 85 p. (In Russ.)
19. Digital Transformation of Public Administration: Legal Aspects: collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, December 15-16, 2022 / ed. by A.V. Neznamov. (2023). Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. 250 p. (In Russ.)
20. Federal Law of 24.07.2023 No. 253-FZ "On Artificial Intelligence and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information. Moscow, 2023. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202307240005. (In Russ.)
21. Brownsword, R., Yeung, K., eds. (2017). The Oxford Handbook of Law, Regulation and Technology. Oxford: Oxford University Press. 1200 p.
22. Yakushev, M.V. (2021). E-Government: Theory and Practice. St. Petersburg: Petropolis. 224 p. (In Russ.)
23. Federal Law of 26.07.2017 No. 187-FZ "On the Security of the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation" / Official Internet Portal of Legal Information. Moscow, 2017. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102436235. (In Russ.)
24. Analytical report of NRU HSE "Index of Digitalization of Public Administration in the Regions of Russia – 2023". (2023). Moscow: HSE Publishing House. 120 p. (In Russ.).

Information about the authors
Inna L. Shidova – Assistant Professor, Department of Commodity Science, Tourism, and Law
Karina L. Temirchieva – Analyst at the Department of Support for NTI Projects and Continuous Education

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторы заявляют, что генеративные модели искусственного интеллекта не применялись при подготовке данной рукописи.
The authors declare that no generative AI models were used in the preparation of this manuscript.

Поступила в редакцию (Reserved) 04.01.2026
Поступила после рецензирования 27.01.2026
Принята к публикации (Accepted) 08.09.2026